Семь Дней. — 2003. — 25-31 авг. (№35). — с. 60-66

ФЕДОР ШАЛЯПИН: ОДИН НА ДВЕ СЕМЬИ

«Публика рассматривает у нас на Руси артиста, как тот извозчик, с которым я однажды ехал по какой-то бесконечной московской улице.
— А ты чем, барин, занимаешься?
— Да вот, брат, пою!
— Я не про то. Я спрашиваю — чего работаешь? А ты — пою! И я тоже пою, выпьешь иной раз и поешь. А либо станет скучно и — тоже запоешь. Я спрашиваю — чего ты делаешь?»
Шаляпин часто любил вспоминать эту историю. А произошла она с ним, когда он уже был знаменит на весь мир, обласкан успехом и славой.

РИА «Новости»

В ресторан Лейнера на Невском проспекте, скинув шубу на руки почтительно склонившемуся швейцару, вошел Шаляпин со своим другом — художником Константином Коровиным. Тут же потребовал у метрдотеля отдельный кабинет. «А то ведь опять, черти, не дадут спокойно поужинать! Вот вчера — только зашли, какой-то купечишка сразу начал приставать: «Шаляпин! Вы — наш, мы вас сделали!» И с каждым словом все больше хамеет, на рожон лезет. Ну, я не выдержал: «Ты, — говорю, — кожаное рыло, я не ваш, я — свой, я — Божий!» А он как завопил: «Ага! Говорил я, зазнался Шаляпин, презирает публику, своих верных почитателей! Лучше пусть скажет, сколько денег загребает!» Впрочем, ты, Костенька, наверное, все это в газетах сегодняшних читал — Шаляпин «сделал очередной скандал!» А давеча прямо у выхода из театра подошел приятель и спрашивает, где это я так напился, что не мог на ногах на сцене устоять? А мой Мефистофель всего-навсего решил на ступеньки у домика Маргариты присесть. Ты же знаешь, Костя, не люблю я одинаково играть, не автомат поди, а артист, уж если мне так захотелось, хуже от этого не будет». Рассказывая, Шаляпин увлекался, ноздри его курносого носа раздувались, лицо словно вспыхивало изнутри, светлые прозрачные глаза молниеносно меняли выражение — от холодной ярости до добродушного, искорками сверкающего веселья. «Вспомни, Федор, Савва Мамонтов тебя предупреждал: «Надо тебе, Феденька, быть готовым ко всяким пакостям, раз наверх выбрался. Таких не любят, хотя и будут угождать, всячески сюсюкаться с тобой...» — улыбаясь, сказал Коровин другу.

Только уселись за стол, только Федор Иванович начал официанту заказывать свои любимые блюда — балычок всех сортов, семужку, икру черную, водочку ледяную и вино французское, из хороших погребов, как вдруг какая-то пьяненькая морда с мокренькими усами в дверь просунулась. «Ш-Шаляпин? Коли так, я тебя страшно люблю и желаю поцеловаться!» Шаляпин с комическим выражением отчаяния на лице посмотрел на Коровина, попробовал пошутить: «Ты разве женщина, чтоб с тобою целоваться?» Но «морда» не отставала, привстала на цыпочки, чтобы дотянуться до высоченного кумира. Шаляпин со всего размаху двинул его в грудь — тот так и выпал обратно в коридор. «Ну вот, может, хоть теперь отстанут? Или снова придется в другой трактир ехать? — пробасил жалобно. — Завтра, Костя, будь уверен, напишут: Шаляпин — распутник, жить без женщин не может, а мы его любим, деньги за билеты платим...» Это правда — каких только легенд не сложит о знаменитом певце людская молва: распутник, пьяница, сквалыга, самоваром дома дерется, хорист «коровами» обзывает, а дирижера — «турецкой лошадью».

«Иногда так хочется почувствовать всех людей друзьями, так бы обнял всех и обласкал от всей души. А вокруг тебя все ощетинились ежами, смотрят подозрительно, враждебно и как бы ожидают — ну что, чем ты нас обидишь? Чем огорчишь?» — продолжал разговор Шаляпин. — «Федор, но ведь публика тебя любит, разве что на руках не носит!» — «Знаю, Костя, знаю, но уж очень нравы нашей публики похожи на те, которыми так богата Суконная слобода и которые я наблюдал до пресыщения, до тоски...»

СУКОННАЯ СЛОБОДА

Из Казани, где он родился в 1873 году, 5-летнего Федора перевезли в эту самую Суконную слободу — прибежище нищего работного люда. Таких мест на Руси полным-полно. Трое детей жили впроголодь, потому что отец, работавший писцом в местной управе, деньги тихо, но исправно пропивал. Жалко было Федьке мать до слез — целыми днями на поденщине, чтоб хоть копейку в дом принести. Федор за ней частенько ходил, когда она чужое белье стирала, — уж больно хорошо она за всякой работой песни пела, с душой, грустно, но без надрыва. На Святки и на Пасху приезжали «артисты» — балаган Яшки Мамонова. Федька смотрел на представление, разинув рот, — не

замечал ни обтрепанных костюмов, ни убогой, наспех сколоченной сцены. Вот бы с ними, так же людей смешить шутками и нелепыми розыгрышами! Но все заканчивалось, и он плелся домой или к мальчишкам драться на кулачках, привычно утирать с лица кровавую юшку... Однажды Федька пристал к отцу — хочу быть, как Яшка, скоморохом! Как всегда пьяный, тот насмешливо-хмуро пробурчал: «Ишь ты, слово-то какое выучил! Пойди лучше дворником поработай, артист!» Хорошо, сосед, старичок-регент, услышав, как мальчишка подпевает матери, взял его в церковный хор певчим, научил читать ноты. Когда Федор принес первый заработок — полтора рубля, — отец, удивленно вскинув брови, предостерег: «Смотри, Федька, не высовывайся особливо, а то можешь и в рыло схлопотать, если особо удачливым станешь».

В 17 лет Федор получил свой первый «ангажемент». Дело было так. Он уже давно любил пропадать в кабаках — не потому, что пьянствовать нравилось, а потому, что там ему веселее и свободнее было, чем дома, — людей встречаешь, узнаешь что-то новое. К тому же завсегдатаи ему петь разрешали. Как-то пение голосистого певчего услышал заезжий антрепренер и пригласил в Уфимскую оперетку. Федор дома родителям поклонился и сказал: «Жалко мне вас бросать, но все равно ухожу в артисты!» Мать заплакала, отец молча кивнул... Началась бродяжническая жизнь. Вскоре оперетка лопнула как мыльный пузырь. То же самое происходило со всеми труппами, с которыми ему довелось выступать по многим городам. Артисты всякий раз оставались без гроша, но рано или поздно появлялся очередной «импресарио». И вновь Федор пел народные песни, отрывки из опер и опереток. Еще он чистил керосиновые лампы, убирал сцену, носил воду — все что угодно, лишь бы не прогнали...

Однажды в Баку антрепренер сбежал, прихватив весь сбор. Федор отправился в первый же попавшийся трактир — уже не раз ловил он так удачу. Трактир оказался разбойничьим притоном, которым верховодил вожак по кличке Клык. Лихие ребята оценили талант певца, он им пел — они его кормили. Как-то Клык сказал Федьке: «Будешь стоять на стреме. Ночью идем на дело». Федор знал — убивать и грабить богатого купца. Что делать? Не пойдешь — убьют. Сбежишь — так ведь и догнать могут. Но все-таки сбежал. Со страху не разбирая дороги, мчался в темноте куда глаза глядят, упал, обо что-то споткнувшись. Поднимаясь с земли, нашарил под руками тугой узелочек — в нем оказались зашиты четыре двугривенных! На радостях заглянул в знакомую татарскую лавку, наелся до отвала люля-кебабов и только потом, пригибаясь и оглядываясь, добежал до вокзала. Кондуктор согласился за 30 копеек на товарной площадке поезда довезти его до Тифлиса...

ГОЛОШТАННИК

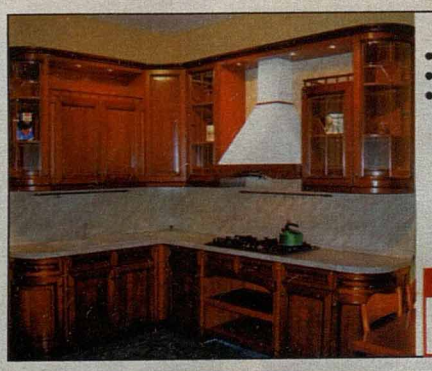
В Тифлисе оборванного и грязного его не брали ни на какую работу, только смеялись над худющей каланчой в старой измятой шляпе. На пятый день голодовки он решил застрелиться. Не милостыню же ему, артисту, просить! «Войду в оружейный магазин, попрошу показать пистолет. Пока продавец не прогонит взашей, успею пустить себе пулю в лоб», — обреченно рассуждал Федор. Но как же хотелось жить, кругом такая красота, столько женщин — к ним он давно неравнодушен, а кочевая жизнь и вольные нравы бродячих трупп тому немало способствовали. И вот судьба — за квартал до магазина Федор увидел поразительной красоты девушку. Остановился, она дерзко на него взглянула и вдруг низким певучим голосом проговорила: «Ну что, голоштанник, не хочешь зайти ко мне в гости? Уж больно ты белобрыс да забавен! Вижу, не ел давно». Мария, так звали девушку, и впрямь отвела Федора в свою комнатушку, накормила. Потом они зажили «семейно», и все бы ничего, если бы она не пила. Из-за пьянства ее из церковного хора выгнали, теперь перебивалась поденщиной. Шаляпин не столько любил ее, сколько жалел. Трезвая Мария была тихая, ласковая и дружелюбная. Но пьяная становилась безобразной и беспутной. Часто приходилось ему драться с ее хмельными «ухажерами», вызволять подругу из их лап. Однажды она вернулась трезвая: «Слышь, голоштанник, я тут белье стирала в одном доме. Говорят, этот Усатов — учитель пения, бывший артист императорских театров! Сходи к нему, авось не прогонит! Хотя на кой черт ты ему сдался?» На следующий день Федор уже умолял маленького пузатенького человечка с опереточными усами впустить его в дом, а после послушать пение. Потом Усатов признался: «Не взял бы я тебя, бродягу, даже с таким роскошным голосом, если бы не понял — не блажь это, а предназначение твое. Пропадешь, если не будешь петь...»

РИА «Новости»

Ф. И. Шаляпин в роли Мефистофеля в опере Гуно «Фауст»

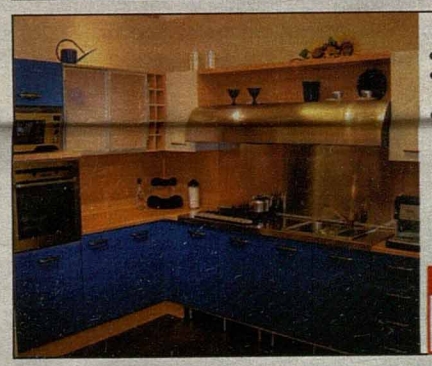
Учил он его, причем бесплатно, не только пению. Вроде для его же блага — учил хорошим манерам. Как в приличном обществе за столом себя вести, как ножом и вилкой пользоваться, в зубах ногтем запрещал ковырять и пальцами соль из солонки таскать. Но делал это в открытую, так что у Федора от обиды аж в глазах зеленело. Однажды поморщился и при всех сказал: «Что-то ты, братец, давно в бане не был». Федор в баню часто ходил, но ведь рубашка-то одна, он ее сам стирал (Мария к тому времени спилась окончательно и исчезла из его жизни), а потом жарил на лампе — чтобы от насекомых избавиться. Господи, хоть бы сквозь землю провалиться от стыда! В другой раз за обедом принесли тарелку с зеленой жидкостью, посередине яйцо плавает, подцепил ложкой, а оно возьми — и на белоснежную скатерть выпрыгни. Не пропадать же добру — Федор его аккуратненько пальцами ухватил и в рот. Все смеются, а ему плакать хочется. «Неужели так заведено на белом свете — если тебе кто-то добро делает, ты, изволь, цени, а прав при этом никаких не имеешь?» — впервые пришла ему эта горькая мысль в голову. Позже он не раз еще ее вспомнит... Но Усатову он всегда будет благодарен. Не только научил всему, но и в Тифлисский оперный театр устроил. У него же в доме с приличной барышней познакомился. Курносая, гордая музыкантша. Федору показалось, что от любви к ней у него в груди что-то непременно должно лопнуть. Когда только подходил к ней, ноги ватными становились. Готов был серенады под ее окнами петь ночами напролет. Но оказалось — этого не нужно. Отдалась она ему довольно быстро и без всякого

РАСПРОДАЖА ВЫСТАВОЧНЫХ ОБРАЗЦОВ КУХОНЬ
60% СКИДКА
Смена модельного ряда 2001–2002 года



Кухня «Regina», Италия
• Размер 3,20×2,75 м
• Фасад: масив вишни
• Вытяжка, мойка, смеситель в комплекте
Цена $3999
СЭКОНОМЬ! $6000

Кухня «Melville», Италия
• Размер 2,10×3,10 м
• Фасад: MDF – шпон вишни, нержавейка
• Аксессуары в комплекте
Цена $4999
СЭКОНОМЬ! $7400



Кухня «Samba», Италия
• Размер 3,00×2,10 м
• Фасад: MDF – синий, бежевый (на выбор)
• Столешница: бук + нержавейка
Цена $2599
СЭКОНОМЬ! $3900

Кухня «Carol», Италия
• Размер 3,60 м
• Фасад: слоистый пластик
• Цвет: вишня + светло-желтый
Цена $3099
СЭКОНОМЬ! $4600

* Стоимость кухни без встраиваемой техники
Количество образцов ограничено

Встраиваемая техника ведущих мировых производителей
BOSCH, SIEMENS, AEG, ELECTROLUX, ARISTON, MIELE

«Таганка»: м. Марксистская, м. Таганская, ул. Таганская, 25-27. Тел. 911-9404
«Галерея европейской мебели»: м. Октябрьская, Калужская пл., 1. Тел. 230-0039/1626/1180
«Каменный Цветок»: м. Октябрьское поле, ул.Народного Ополчения, 22/2. Тел. 787-7097
«Олимпик»: м. Пр-т Вернадского, Мичуринский пр-т, 45. Тел. 931-4648/4650
«Щелчок»: м. Щелковская, ул. Уральская, 1а. Тел. 462-3889/0820 (10.00-21.00)
«Атриум»: м. Курская, ул. Земляной вал, 33. Тел. 970-1436 / 1437 (10.00-22.00)
«Помидор»: м. Аэропорт, Ленинградский пр-т, 52. Тел. 213-2101 (10.00-21.00)
«Электроника»: м. Фрунзенская, Комсомольский пр-т, 27. Тел. 245-3595/7510/2873
«Электронный Мир»: м. Университет, Ленинский пр-т, 70/11. Тел. 742-4000 (10.00-20.00)
«Домотехника»: м. Новослободская, ул. Долгоруковская, 40. Тел. 973-9312

ФИРМА ПАРТИЯ
ВНЕ ПОЛИТИКИ! ВНЕ КОНКУРЕНЦИИ!
787 7007
www.partya.ru

Товар сертифицирован

В 16 лет Иола Торнаги уже была примой-балериной в театре Сан-Карло ди Наполи. Италия, 1890-е гг.

ломанья. Шаляпин ходил невероятно счастливый, строил планы о свадьбе. Но Ольга вела себя странно — все время над ним насмешничала. Аккомпанируя, нарочно ноты путала, словно хотела с толку его сбить, а после посмеяться. Однажды он не выдержал: «Зачем ты это делаешь? Разве я клоун в цирке?» Фыркнула, вскочила, коробкой шоколадных конфет в него, как в собаку, бросила... С тех пор что-то надломилось в душе. Вроде любит ее, но прежнее, светлое чувство куда-то улетучилось... После первого бенефиса Усатов посоветовал: «Нечего тебе здесь больше делать. Вот рекомендательные письма в дирекцию императорских театров, уезжай!» На вокзале Федор продолжал уговаривать пришедшую его проводить Ольгу: «Поедем со мной, я стану знаменитым артистом. Ты ни о чем не пожалеешь». Но она только протянула для поцелуя руку и, насмешливо улыбнувшись, ушла...

По дороге в Москву Шаляпин с горя напился и попал в руки к карточным шулерам. Все деньги от бенефиса были проиграны. В дирекции на углу Большой Дмитровки швейцар мариновал его три часа, потом изволил сообщить, что начальство в отпуске. Снова обманывали его антрепренеры, теперь уже важные, сытые. Снова трактир — единственное место, где можно душу отвести. С неохотой — консерватории не кончал, самоучка-деревенщина, — но пригласил его дирижер Направник в Петербург в Мариинский театр — бас им нужен был. «Да что толку? Сезон работаю, петь дают раз в месяц, за комнату платить нечем», — колокольно рокотал Шаляпин. «Вчера с барышней познакомился, едем на извозчике, у меня ноги длинные, задели за столб, последние сапоги и разлетелись! Вот и весь роман! Ни на барышню, ни на сапоги — денег нет!» — рассказывал он друзьям.

С сыном Игорем в Милане во время своих триумфальных выступлений в «Ла Скала». 1901 г.

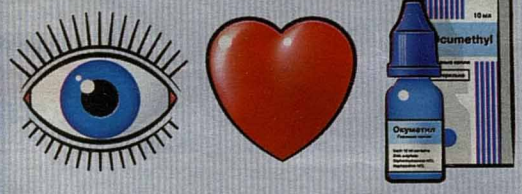
ИТАР-ТАСС

Шаляпин с детьми в деревне Ратухино, где он купил землю и построил дом. Слева направо: Федор, Борис, Лидия, Ирина, Татьяна. 1912 г.

В один из таких весенних вечеров 1896 года в ресторане, где друзья-приятели угощали 23-летнего Федора, подошел к нему известный промышленник, меценат и ценитель талантов Савва Мамонтов. Давно уж он, наблюдая за Шаляпиным, задумал переманить его в свою труппу Московской частной русской оперы. Федор о нем тоже слышал — кто ж Мамонтова не знает? «Ну что, Федор Иванович, — почтительно обратился тот к опешившему от изумления Шаляпину. — Не окажете ли мне честь поработать у меня в труппе? Да не бойтесь, казенная сцена от вас не убежит, всего лишь хочу увезти вас на летние гастроли в Нижний Новгород. Платить буду хорошо, поставим для вас русские оперы, с вашим голосом ведь чудеса можно творить!» Шаляпин согласился, так и оказался в Нижнем, снова увидел Волгу, радовался как ребенок творческой атмосфере, царившей у Мамонтова. Подружился с артистами, художниками — Врубелем, Серовым, Коровиным. Все молодые, даровитые, никто друг друга не подсиживает, успехам его радуются как своим собственным. Впервые почувствовал себя Шаляпин баловнем судьбы...

«БЕЗУМНО Я ЛЮБЛЮ ТОРНАГИ!»

Благодаря Мамонтову Шаляпин жену любимую нашел. Тем летом в Нижний Савва пригласил труппу итальянского балета. Из шумной толпы отчаянно жестикулирующих итальянцев Шаляпин сразу выделил ЕЕ. Худенькая, хрупкая, с огромными черными глазами, балерина смущалась высоченного белокурого гиганта, так не похожего на ее соотечественников. Утомительно было и объясняться — жестами и знаками. Но Шаляпин, хоть до этого и не любил балет, стал ходить на все спектакли с участием Иолы, глаз не мог от нее оторвать и все гадал: сможет охватить ее тонюсенькую талию пальцами одной своей ручищи или нет? Иола Торнаги — сначала он даже имя ее не мог выговорить. Когда заболела, носил ей куриный бульон и красное вино, растроганно рассказывал Мамонтову, как зашила ему порванный в драке сюртук, как темпераментно бранила его за то, что подрался. Постепенно Иола привыкла к его опеке и вниманию. «Эх, говори я по-итальянски, сделал бы ей предложение!» — сказал Федор Мамонтову. Как-то Иола пришла на репетицию «Евгения Онегина». И не узнала в благородном красивом аристократе Гремине своего простецкого на вид кавалера. «Это наш Феденька. Этот мальчик еще сам не



Окуметил

Подарите миру сиянье ваших глаз!

Красота
- Давно и с успехом используется звездами шоу-бизнеса
- Быстро снимает покраснение, раздражение, отечность
- Придает глазам красивый голубоватый оттенок и блеск

Здоровье
- Эффективное лечение коньюнктивитов
- Оказывает противоаллергическое действие
- Обладает антисептическим действием

Комфорт
- Снимает напряжение при работе с компьютером и др.
- Эффективно помогает при "песке в глазах"

Спрашивайте в аптеках ICN, "ИТЕК", "Доктор Столетов" и других аптеках города

Консультации по тел.: (095) 504-35-06
www.ocumethyl.ru Рег. уд. Б № 013927/01-2002

знает, на что он способен!» — сказал ей по-итальянски заметивший удивление девушки Мамонтов. Шаляпин запел знаменитую арию «Любви все возрасты покорны». «Онегин, я клянусь на шпаге, безумно я люблю Торнаги! Тоскливо жизнь моя текла, она явилась и зажгла!» Услышав свое имя, изумленная Иола обернулась к Мамонтову. «Это Федор вам в любви объяснился, хитрец этакий!» — улыбаясь, разъяснил тот. Он и сам большой хитрец — не захотел отпускать Шаляпина в императорский театр. Выкупил контракт Иолы Торнаги, оставил ее в своей труппе и окончательно переманил Федора в свой театр.

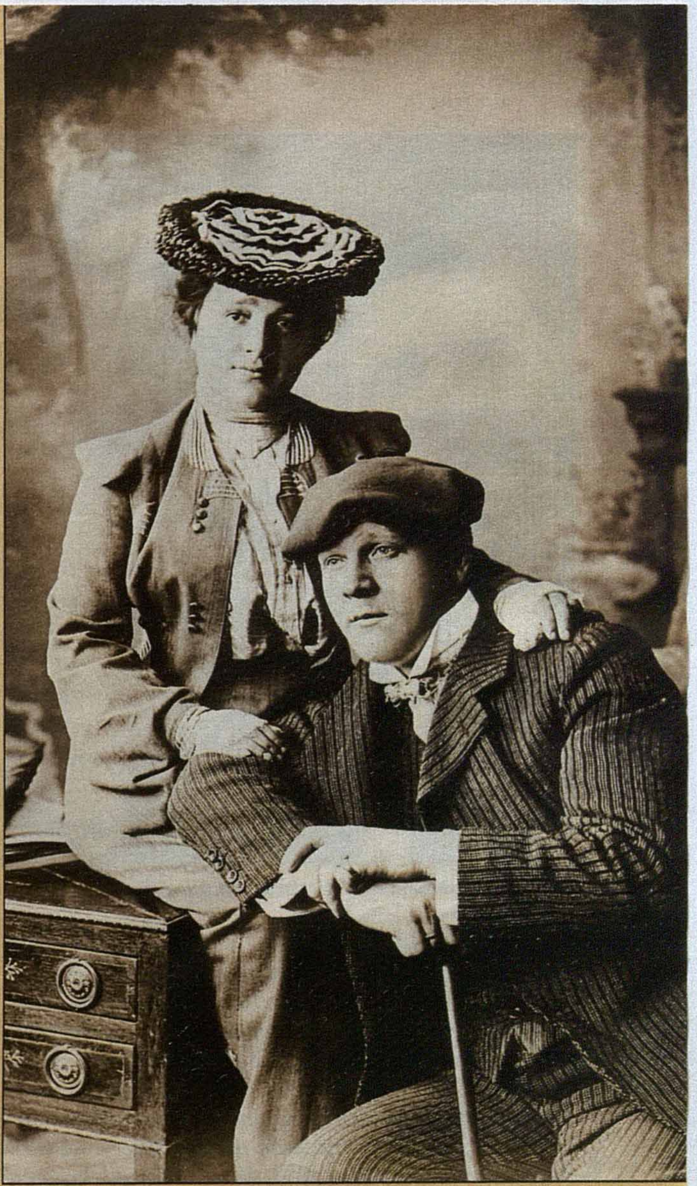
27 июля 1898 года сыграли свадьбу в подмосковном имении артистки Частной оперы Татьяны Любатович. Константин Коровин и Сергей Рахманинов — шаферы, Мамонтов — посаженый отец. Своего отца Иола не помнила — сицилиец знатного происхождения, он влюбился в ее мать-балерину, женился, несмотря на запрет родителей, но вскоре умер. У Шаляпина мать умерла в 1891 году — пьяница-муж довел дело до того, что она пошла по миру, и только много лет спустя удастся сыну найти ее могилу.. Сестренка умерла, брат жил с отцом. Тот пропивал деньги, которые Федор скрепя сердце (не мог простить жалкую судьбу матери) все-таки посылал ему..

В день свадьбы Шаляпин страшно нервничал — друзья говорили, что не стоит ему жениться, с его-то неуемной энергией, страстью к жизненным удовольствиям и прежде всего к хорошеньким женщинам. Но так хотелось жить по-человечески, иметь свой угол, семью, детишек. А талия у Иолинки и впрямь оказалась такая тонкая, что и одной руки-то много... Любит он ее, сил нет, а она свою солнечную Италию и родных бросила, разве кто ради него на такие жертвы шел? По дороге в церковь зарядил дождь. «Плохая примета», — подумал Федор, но скоро успокоился. Деревенский священник все делал обстоятельно. Коровин, уставший держать тяжелый венец над головой жениха, надел его ему прямо на голову. Венец не удержался и смешно съехал на уши Шаляпина. Так и простоял он всю церемонию со скошенным венцом. В комнате, где пировали, прямо на коврах в вазах лежали фрукты, стояло шампанское, бутылки с вином, кругом пестрели полевые цветы. Рахманинов играл на рояле, Шаляпин пел... В 6 часов утра молодоженов разбудил адский шум под дверью — толпа во главе с Мамонтовым исполняла концерт на печных вьюшках, железных заслонках, ведрах и свистульках. Кавардаком дирижировал Рахманинов. Все это Федору Суконную слободу напомнило...

Шаляпины сняли квартиру в Брюсовом переулке, Мамонтов подарил рояль. Балет Иола бросила, через год родила сына — Игоря, Игрушку, как звал обожавший его отец. Еще через год родилась дочь Ирина...

«УЖЕГ Я ИХ СВОЕЙ ИГРОЙ!»

«Успех, настоящий успех, иначе бы не переманивали! Я — Федька-подзаборный, могу выбирать, где петь!» Шаляпин, едва войдя в квартиру, схватил чуть располневшую жену и закружил ее в танце. «Подожди, Федор, значит, это правда, что ты подписал контракт с Теляковским?» — строго спросила раскрасневшаяся Иола. Новый управляющий дирекцией императорских театров уже давно переманивал Шаляпина в Большой. Обещал ему существенную надбавку к жалованью и полную свободу. «Ну вот, и ты туда же. На моего Бориса Годунова вся Москва ходит, а Мамонтов не желает мне платить помесячно!» — «Но ведь он столько для нас сделал! Оперы, в которых ты такой успех имеешь, для тебя поставил!» — «Что же, прикажешь мне самому теперь всем приплачивать!» — яростно сверкнув глазами, Федор хлопнул дверью. «Где это сказано, что артист не должен знать себе цену?» — продолжал бушевать Шаляпин. — Вчера с Врубелем поругался — тот его сквалыгой назвал! Барские это



ИТАР-ТАСС

С женой Иолой Шаляпиной. Нижний Новгород, 1903 г.

ТО, ЧТО **ПОМОЖЕТ** **ВАМ** ЭТИМ ЛЕТОМ – крем Гистан™

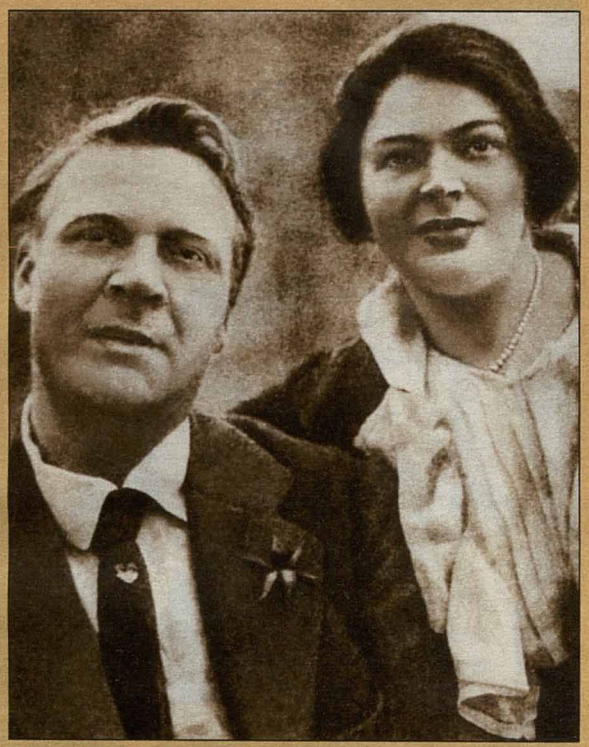
Крем **Гистан ™** – при аллергических проявлениях на коже – как нельзя вовремя поспел к сезону. Исключительно натуральный состав крема **Гистан ™** позволяет использовать его при проявлениях лекарственной непереносимости, то есть у лиц с полиэтиологической аллергией, проявляющейся кожными реакциями, когда применение химически-синтезированных препаратов нежелательно. К тому же **Гистан ™** пополнил достаточно малочисленную группу негормональных средств, решив проблему, стоящую перед пациентами, использующими противоаллергические наружные средства постоянно.

ДОСТАТОЧНО НАНЕСТИ КРЕМ ГИСТАН НА МЕСТО КОМАРИНОГО УКУСА И ВЫ СРАЗУ ПОЧУВСТВУЕТЕ, ЧТО ЗУД ИСЧЕЗАЕТ, А ВОЛДЫРЬ СДУВАЕТСЯ, ЧЕРЕЗ 1,5-2 ЧАСА НА КОЖЕ ОСТАЕТСЯ ТОЛЬКО ТОЧЕЧНЫЙ СЛЕД ОТ ЖАЛА КОМАРА. МНОГИЕ ЖДАЛИ ПОЯВЛЕНИЯ ТАКОГО СРЕДСТВА!

Товар сертифицирован.
№ 78.01.05915.П.002394.05.03

Форма выпуска крема Гистан ™ традиционна и наиболее удобна для использования в повседневной практике ного масла ландыша способствует его легкому проникновению в кожу, в результате чего происходит сти- Подтверждена эффективность Гистана тм при укусах насекомых - он быстро устраняет зуд и волдыри. При

СОСТАВ Крема Гистан™:



С Марией Валентиновной Петцольд. Капри, 1913 г.

разговоры, им хорошо, они никогда нужды не знали. А он по паспорту крестьянин, значит, его можно эксплуатировать? У него семейство большое, Иолочка снова беременна! Да и поесть он вкусно любит, и вина хорошего выпить — что ж тут стыдного? Да еще карты и скачки — азартен он, есть такой грех. Так ведь иногда так устанешь в круговерти концертов, спектаклей, приглашений — все зовут, всем нужен, не придешь, обижаются, — что только это и спасает... Стук в дверь. Шаляпин, уже переодевшийся в красный шелковый турецкий халат, открыл. На пороге Иола, бледная, расстроенная: «Федор, только что записку принесли. Савва Мамонтов арестован за растрату...» Господи, что же теперь делать, как уходить от него в такой момент?! Шаляпин бросился к Теляковскому. Тот любезен, но неумолим: «Неустойка большая выходит, уже афиши подписаны, не выйдете — градоначальник вам вообще выступать запретит!» — «Жалко товарищей, но страшно — вдруг и вправду петь запретят? И ведь могут — при нашей-то простоте отношений с артистом!» Целый день метался по городу —ни у кого денег не оказалось... 24 сентября 1899 года Шаляпин вышел на сцену Большого в роли Мефистофеля. В зале словно электрический ток пропустили. Вызывали 30 раз, такого триумфа этот театр не знал уже много лет...

Как раз в это время в Москву на гастроли приехал знаменитый итальянский тенор Карузо. Вернувшись в Италию, рассказал о русском «чуде» — Шаляпине. И вот вскоре, забавно коверкая русские слова, Иола читала мужу приглашение от директора самого большого оперного театра в мире «Ла Скала». «Я очень рад, что имею честь впервые представить итальянской публике столь знаменитого артиста. Желаю вам одержать здесь полный триумф и получить высшее удовлетворение». «Не может быть, как я буду петь на итальянском языке в Италии? Наверное, это шутка чья-то», — Шаляпин не мог поверить, просил жену перечитать письмо еще раз. «Успокойся, Федя, мама снимет нам домик на море около Милана, ты подготовишься и споешь замечательно!» — уговаривала Иола. Шаляпин на всякий случай, тайком от всех, решил в ответном послании намного превысить сумму гонорара — вот сразу и станет ясно, нужен он им или нет! Директор ответил согласием. В Италии Федор быстро выучил свою партию, оставил семью на попечении тещи Джузеппины и укатил в Париж — развеяться. «Опять занимаешься женским вопросом?» — с укоризной спросил встретивший его там Рахманинов. Шаляпин попытался объяснить: «Я люблю Иолу, детей, ничуть не жалею, что женился. Но женская любовь и ласка, пусть мимолетная, наполняет мою душу вдохновением и благодарностью к жизни. Вот, представь, сейчас в Париже я даже не ухаживал за этой маленькой пианисткой, она только попросила меня научить ее на велосипеде кататься. И вдруг пришла ко мне на рассвете в номер, сквозь сон почувствовал ее нежные великолепные прикосновения... Я и удивлен был, и растроган почти до слез, и страшно рад. Французского я ведь не знаю — не мог даже спросить, зачем она это сделала? Но такое чувство появилось — будто сама жизнь меня поцеловала» ...

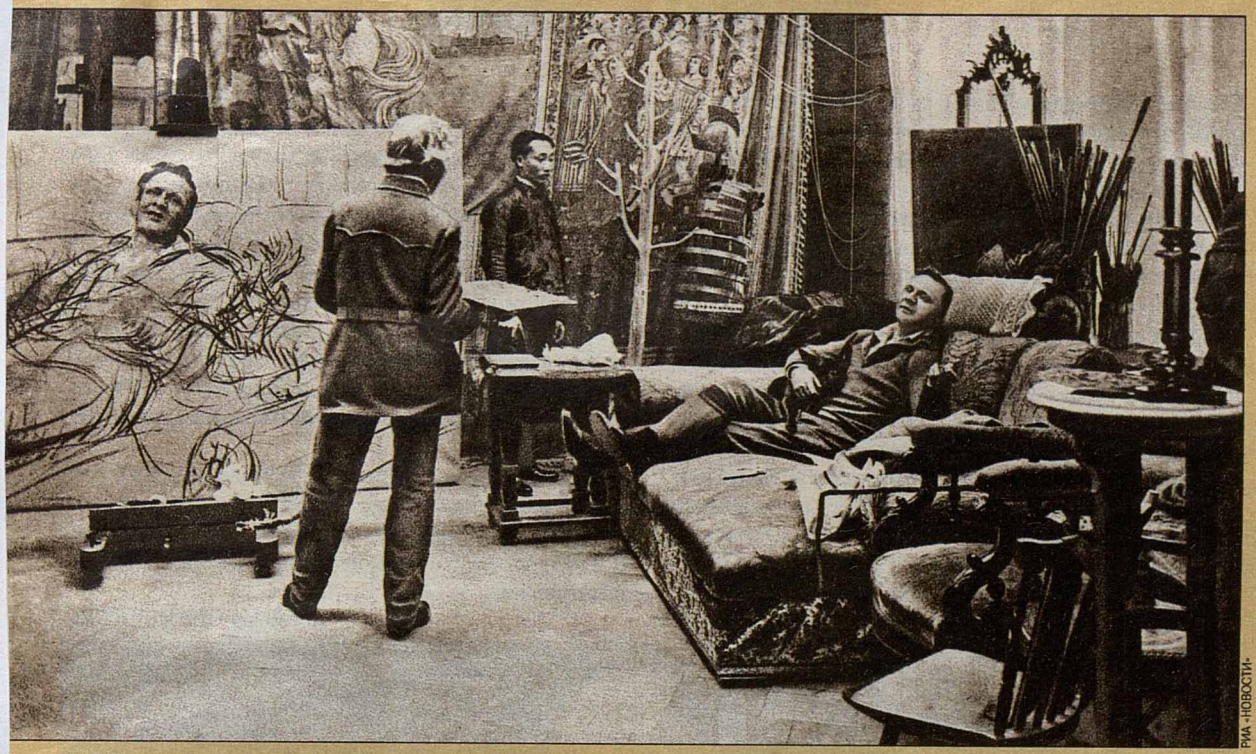
РИА «Новости»

С С. В. Рахманиновым. 1916 г.

Между тем весь театральный Милан бурлил от негодования — из России выписали баса, что у нас своих нет? Это все равно, что пшеницу в Россию ввозить! Итальянцы испокон веку услаждали русскую публику своими голосами. Приехав на первые репетиции, Шаляпин слышит у себя за спиной злобное шипение. А дома взволнованные жена и теща рассказывают: приходил некто Мартинетти, шеф всесильной миланской клаки. «Если ему не заплатить, Феденька, сорвут клакеры, «джентльмены в желтых перчатках», спектакль! Так уж заведено!» «Что? — взрывается Федор. — Я им покажу — век Шаляпина будут помнить!» 16 марта 1901 года — дата записана золотыми буквами в историю прежде всего русского оперного искусства. Уже в Прологе раздался такой шум, что Шаляпин испугался — подумал, что декорация упала или обвал в театре случился. Дирижеру пришлось остановить оркестр и пение хора. Только выйдя на авансцену, Федор Иванович понял: шум этот — ураган восторгов итальянской публики. «А что же клака?» — спрашивали после Шаляпина. «Не посмели даже рта открыть — им бы все ребра переломали. Я им натянул порядочный нос. Голосом-то там никого не удивишь. Ужег я их своей игрой!» Еще одна радость — в марте родилась дочь Лидия...

ДВОЕЖЕНЕЦ

А потом случилось горе. В 1903 году прямо на глазах у Шаляпина от желудочной болезни умер его первенец 4-летний Игорь — сероглазый ласковый малыш, его Гуля Ляляпин. У него был абсолютный слух, он смешно подражал отцу — кричал, хоть уши затыкай. Федор Иванович Игрушку боготворил, не раз говорил: «Господи, какое наслаждение такого ребенка иметь!» Полумертвая от горя Иола несколько дней стояла перед запертой изнутри дверью Шаляпинского кабинета, прислушивалась к рыданиям Федора, молила Бога облегчить их муки, умоляла мужа выйти — он грозился покончить с собой. Когда вышел, обнял жену, взял на руки дочек — Иру и Лиду. Не сдержавшись, снова заплакал, сквозь слезы спросил жену: «Иолинка, ты ведь родишь мне еще детей?» Иола ответила: «Рожу, Феденька, обязательно рожу...» Через год родился сын Борис. С гастролей Шаляпин писал ей: «О, как я хочу прижать тебя к моему сердцу, обнять, целовать без конца, моя обожаемая женушка! Еще несколько дней, и я увижу тебя и моих маленьких пузранчиков!» В 1905 году Иола, свято верившая в свой долг, родила близнецов — Татьяну и Федора. Но никто не может упрекнуть ее в том, что детьми она надеялась привязать влюбчивого Шаляпина! Иола умна — ревнует мужа, но понимает — натуру его не переделаешь. У нее нет выбора, потому что любит Федора сильно, глубоко, страстно...



РИА «Новости»

И. Е. Репин пишет портрет Ф. И. Шаляпина. 1914 г.

Но по-настоящему счастлива она бывала редко. Разве только в недолгие минуты, когда перед спектаклем заходил муж в детскую, просил у Иолы разрешения покормить младших, со старшими играл, подбрасывал высоко — в «небо». Шум, гомон, веселая возня отвлекали, помогали расслабиться... Всех приласкает, зацелует и вон из дома... После концерта или спектакля всегда уезжал в рестораны, в гости — в модном фраке, щегольских туфлях, ярком галстуке Шаляпин неподражаемо перевоплощался в светского льва, был душой любой компании...

И вот однажды... «Знаете, Федор Иванович, а я вас люблю!» — дородная, типичная северорусская красавица в собольей шубе спокойно смотрела Шаляпину прямо в глаза. Дело было в 1906 году на скачках. Федор, от удивления чуть не выронив бинокль, попробовал отшутиться: «Эка невидаль! Да кто ж меня не любит! Вся Россия в меня влюблена!» Но Мария Валентиновна Петцольд, богатая петербургская вдова, моложе Шаляпина на 9 лет (их только что представили общие знакомые), покачала головой: «Нет, присушили вы меня уж давно, теперь я от вас не отстану. Денег мне не надо. Судьба вы моя». Ему казалось, все будет как обычно — натешатся любовью и расстанутся, мало ли у него таких пассий было. Не в его она к тому же вкусе, да и чувства к Иоле слишком глубоки, слишком многое их связывает — молодость, успех его, рождение детей, смерть сына — все они вместе пережили. Но Мария появлялась всюду — где он, там и она, везде он ловил ее жаркие ласкающие взгляды. Вроде гордая на вид, а не стесняется ему в любви каждый день признаваться. Сначала Федор только удивлялся, а потом как-то незаметно позволил ей войти в его жизнь. Не сумел противостоять навязчивому вниманию. Приехал в Париж по приглашению Дягилева петь в «Русских сезонах», Маша поселилась с ним в одной гостинице. «Ладно, авось Иола не узнает, Париж далеко, обойдется!» — думал Шаляпин. Они гуляли, целовались в Люксембургском саду, ходили в Лувр. «Смотри, ты у меня ничуть не хуже Моны Лизы», — басил Федор. Потом ехали в гостиницу и там запирались в номере...

Близкие друзья корили: «Остановись, не губи семью, у тебя пятеро душ детей». Шаляпин негодовал — разве ж он собирается их бросать! Все, больше не позволит Маше его преследовать. Но увидит ее — и забывает обещания. Такая она спокойная, уютная, как в пуховую подушку все его переживания уходят. И темперамент не такой взрывной, как у Иолы, — величавый, глубинный. Словно обволакивает его своей любовью — до блаженного изнеможения. А то, что Мария в искусстве не понимает, может, это и к лучшему — иногда неприятны ему колкие замечания Иолы. «Уж не ворожишь ли ты на меня?» — спрашивал он не раз Машу. Черт-те что ведь с ним творится — сам не понимает, разобраться не может. Она лукаво на него поглядывала: «Может, и так... Все-равно мой ты, никому тебя не отдам...» «В Москве меня как магнитом тянет к Марии, в Петербурге — к Иоле и детям», — жаловался Шаляпин. Жить на две семьи — тяжелая ноша даже для такого богатыря. Но открыто поселиться с Марией, несмотря на ее уговоры, решиться не мог. От безысходности спасала работа — особенно дальние гастроли — Америка, Англия, Южная Америка...

Но шила в мешка не утаишь! Мария родила от Шаляпина девочку, Марфу, а теперь снова беременна! Говорил он ей, что не бросит московскую семью — без толку! «Я детей и сама воспитаю, а ты все-равно никуда от меня не денешься», — вот и весь ответ. Как будто рожать незаконных детей для нее — все равно что новую шляпку купить! Приехал в Москву, в новый дом на Новинском бульваре, — просторный, с тенистым садом. Иола его чудесно обустроила, вкус у нее тонкий, изысканный. Жить бы там да радоваться! Что же он наделал?

«Я все знаю, Федор...» — такими словами и отчужденно холодным взглядом встретила его однажды Иола. Попробовал от разговора уклониться: «Изнервился я весь, Иолинка, устал, да и здоровье пошаливает, врачи моими анализами недовольны...» Не сработало. «Дети ни в чем не виноваты. Я тебя отпускаю. Но развода не проси». — «Иола, а если со мной что случится, ты тех моих детишек не бросишь? Ведь им по закону от моего наследства ничего не достанется. А я еще двоих от первого Машиного брака воспитать обязался?» — «Помогу, не бойся», — голос Иолы задрожал. «Господи, неужели она все еще любит меня?» — пронеслось в голове у Федора. «Все ты у меня отнял. Сцену, успех, балет, хотя и знал, что талант у меня был... Твой дом и дети — стали моим единственным театром...» — с трудом выговорила Иола слова (хотя уж давно язык русский как родной знала), стараясь не видеть страдальческих глаз мужа. «Прости ты меня, окаянного», — низко опустив голову, только и сумел вымолвить Федор...

В 30-е годы, когда Шаляпин уже жил в эмиграции, на гастролях в Америке ему устроили жестокую обструкцию местные блюстители нравов — за то, что приехал с незаконной женой. Он тогда напишет Иоле письмо. С мольбой попросит еще раз развода: сколько народу у него на иждивении — все дети, и маленькие и взрослые, Мария еще одну девочку, третью, ему родила, а в Америке платят намного больше, чем в Европе. Не захотела Иола стать «врагом» ему и десятерым детям, прислала из Советского Союза нужные бумаги. Шаляпин оформил брак с Мари-

Этой осенью «Мир Увлечений» предоставляет Вам шанс сэкономить **при покупке луковичных цветов!** Чем больше сумма Вашей покупки, тем большую скидку Вы получите! Скооперируйтесь с друзьями или сослуживцами и приходите к нам!

Мир Увлечений

Сеть садоводческих супермаркетов

Фирменные магазины «Мир Увлечений»:

- **м. «Отрадное»**, ул. Санникова, 13. Тел.: 903-4201.
- **м. «Медведково»**, ул. Широкая, 27. Тел.: 475-1160.
- **м. «Ю.-Западная»**, ул. 26 Бакинских Комиссаров, 12, стр. 2. Тел.: 433-8751.
- **Ю. Бутово**, ул. Южнобутовская, 29. Тел.: 716-1036.
- **Бирюлево**, Булатниковский пр-д, 14, корп. 6, стр. 2. Тел.: 385-7307.

Время работы: ежедневно с 9.00 до 21.00.
Принимаются к оплате кредитные карты.

Доставка курьером на дом по Москве:

- **Телефоны операторов:** (095) 483-3239, 483-4040, 483-4281, 483-3504
- **Подробности** заказа и наличие товара на складе уточните у операторов.
- **Стоимость доставки** - 150 руб., а свыше 2000 руб. - бесплатно.

Интернет: www.BestGarden.ru

Тотальная распродажа газонокосилок и садового инвентаря!

BETTMANN/CORBIS/RPG

С женой Марией. Нью-Йорк, 15 января 1935 г.

ей. Иола с дочерью Ириной вернется в Италию только в 1954 году — все это время Шаляпин, мучаясь чувством вины, будет всеми правдами и неправдами посылать в Москву деньги и посылки... «Эх, господа, моралисты, побывали бы вы в моей шкуре, поносили бы ее хоть год!»...

БЫЛ ДА СПЛЫЛ...

Революция, Гражданская война, голод, холод. Шаляпин поет в Мариинском театре (его даже избрали в так называемую директорию), выступает перед солдатами, матросами — за пуд муки, вязанку дров. Все что можно несет домой, в питерскую семью, посылает в Москву — Иоле и детям...

Шаляпин старался приспособиться к новой власти — то в составе жюри отбирает лучшие произведения на тему «Великая Русская Революция», то участвует в конкурсе памяти Розы Люксембург и Карла Либкнехта, то срочно мчится на собрание представителей всех государственных театров, то в приемные большевистских начальников ходит — просить артистам паек увеличить. Но он знал — все равно смотрят на него как на «недобитого» буржуя... Повадились к нему мелкие комиссары, что ни ночь — обыск. Все вынесли, даже карты забрали. Шаляпин ходил к Луначарскому, Зиновьеву, Горькому. Что-то возвращали, но жить становилось все невыносимее. Иолу из особняка на Новинском выселили, хорошо, хоть квартиру приличную дали. «Надо уезжать, Феденька, ты у них как бельмо на глазу», — молила его неряшливо одетая, подурневшая Мария. «Единственное, что я еще не слышал от ваших комиссаров, так это приказа — чтоб я спал с женой в одной кровати, а другую сдал. А ведь я никого не эксплуатировал — только свой талант и здоровье!» — сказал он однажды Луначарскому. Неожиданно тот посоветовал: «Если с вами заключит контракт иностранный импресарио, мы вас отпустим. Отдохнете душою и денег заработаете. И пролетарская революция свою долю от ваших гонораров получит. Я похлопочу...» И вот в 1921 году Шаляпин впервые после революции отправился на зарубежные гастроли — один, без семьи. Извелся, измотался, неловко крабов да лангустов есть, когда им там всем хлеба не хватает...

Но как и прежде обаятелен, неподражаем, остроумен Федор Иванович — дамы вздыхают и млеют, стоит ему только появиться, на все готовы, лишь бы увлечь хоть ненадолго... Вернувшись, решил — надо уезжать насовсем. Пришлось покривить душой — убедил большевиков, что его выступления за границей принесут больше пользы советской власти. Вот, дескать, какие в «советах» артисты живут и процветают! В 1922 году его выпустили — с питерской семьей 49-летний Шаляпин уехал из России. За неделю до отъезда пришел к Дзержинскому — попросил не делать поспешных выводов из сообщений западной прессы, обещал вернуться, как только понадобится. Безумно переживал за Иолу с сыновьями Федором, Борисом и дочерью Ириной, остающихся в Москве. Слава богу, Лидия уже давно уехала в Германию, Татьяна замуж вышла в Италии. Федору и Борису тоже через какое-то время удастся вырваться из советской России — власть не захочет откровенно воевать с детьми мировой знаменитости такого уровня, как Шаляпин. А вот Ирину с Иолой оставит — на всякий случай...

16 лет, прожитые в эмиграции, терзался Федор Иванович, что не удалось всех своих с собой взять. Денег зарабатывал много, но их, проклятых, все равно не хватало. Одних детей выучить надо, на ноги поставить, другим — помогать, когда они в том нуждаются. Поэтому бесконечные гастроли — слава богу, голос не отказывал, звучал превосходно. Не раз давал себе слово покончить с каторжной гастрольной жизнью. Но не получалось. Да и не в деньгах одних дело. «Пение мое по-прежнему доводит зрителей до состояния обалдения. Идя к концу своей карьеры, я начинаю думать (прости, это нескромно, я знаю), что в своем искусстве я — Рембрандт! Вот эта нескромность и наполняет мою жизнь», — пишет он в Москву Ирине. Но болезни, усталость, чувство вины неумолимо разрушали не только здоровье, но саму шаляпинскую натуру. Не испытывал он больше вкуса к жизни и ее удовольствиям! Чувствовал — от баловня судьбы, которым себя всегда, несмотря на все противоречия судьбы, ощущал, мало что осталось. «Буду счастлив забыть о существовании театра. А также забыть самого себя. Уеду в деревню, буду называться Прозоровым (по маме). А Шаляпина не надо. Был да сплыл...» — скажет он за год до смерти навестившему его после последнего концерта Бунину...

Но не сложилось... 12 апреля 1938 года Шаляпин умер от лейкемии. Морфий уже не действовал. В последний миг проявилась шаляпинская натура: «Машенька, почему я не вижу света, огней, не могу я так петь, в темноте-то кромешной...»

Мария ОБЕЛЬЧЕНКО

BETTMANN/CORBIS/RPG